

Недавно в печати было опубликовано письмо доярки Лейды Пейпс и ответ Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. Брежнева, в котором он сердечно поздравил Лейду Аугустовну, коллектив совхоза «Вильянди» и всех мастеров машинного доения коров колхозов и совхозов республики с большими достижениями в труде.

Несколько днями позже в Указе Президиума Верховного Совета СССР о присвоении звания Героя Социалистического Труда передовикам сельского хозяйства среди имен других славных тружеников было названо и имя эстонской доярки Лейды Пейпс.

РАССКАЗАТЬ ВАМ О ЛЕЙДЕ?

— Значит, хотите, чтобы я рассказала вам о Лейде да о нашей семье? Так, так... Это можно бы, да дней-то мне уж больно много, кто его знает, может, у меня склероз, вдруг что не так скажу. Если по годам, так мне восемьдесят три. А чего это вы так удивляетесь? Что я в тренировочных брюках да в пестрой кофте? Да где это написано, что деревенская старуха обязана ходить в длинном да в темном? Мне в длинном работать неловко, а в темном скучно.

Значит, семья у нас сейчас такая: я — Анна Пейпс; да сын мой, Калью Пейпс, — ему сорок пять лет, он в совхозе кладовщиком работает; да невестка моя, Лейда Пейпс, ей тридцать пять лет — раз вы про нее писать приехали, то уж, наверное, знаете, что работает она дояркой и работает как надо. Ну, и еще три внучки: старший, Хейки, осенью в армию пошел, служит на Украине и письма пишет, что службой доволен, да вот младшие при мне — Калле, девяти лет, в третьем классе учится, и Мярт — он в нулевом, в подготовительном, только шесть лет ему, а он уже в школу ходит. Может, так оно и верно.

А вы вот что — после того, как со мной поговорите, к нашему директору, к Харальду Мяннику, сходите, а то я могу чего-нибудь напутать — худо выйдет. Дело-то важное, надо, чтобы все правильно было.

Это поместье, по-теперешнему совхоз «Вильянди», в мою-то молодость барону фон Бокку принадлежало, мыза «Пяри» называлась. Отец мой, Тынис Патуне, у барона батраком был, а меня пятнадцати лет в мызу горничной отдали. С тех пор и ноги болят: я полтора десятка лет по их комнатам чуть не сутки кругом вертелась, все на ногах да на ногах, присесть некогда было. Замуж я вышла за баронского садовника, Эрнста Пейпса. Он хороший был человек. Всех наших мужиков тем удивлял, что еще бог весть когда говорил: «Попомните мое слово, обязательно будет у нас коммунизм. Землю тракторами пахать будут, хлеб машинами убирать». Мы всей семьей доныне удивляемся: как это он так мог все предвидеть? Может, потому, что в семнадцатом году в Петрограде солдатом служил? У нас-то тогда и слов таких не понимали, может, кто и считал его чудаком, да уж очень хороший он садовод был, таких в деревне всегда уважают. После того, как в двадцатых годах барон отсюда выехал и мызу его разорили, нам немного земли отвели, дом вот этот мой Эрнст построил и сад этот сам насадил, да и я ему помогала, все, как говорится, своим горбом вытянули. И вот что я вам скажу (я это все, ой, как передумала): это правильно, что земля вся государству принадлежит, — от жадности к земле в людях слишком много зла было.

Немцы, как пришли в сорок первом, мужа моего за то, что он про коммунизм да про тракторы говорил, сразу и взяли. И весь скот

до последней курицы отняли. Осталась я одна с сыном да с больными стариками — ох, тяжко мне было! А потом слух прошел, что мужа моего немцы убили. Кинулась искать — где убили, как убили? Всю войну и долго после войны искала, да где там... Мне и с могилой его поговорить не отпущено, так и не нашли ее до сей поры.

В колхоз в память погибшего мужа вступила сразу, хоть мне уже немало лет тогда было. Три года дояркой работала и еще бы потрудилась, руки-то у меня и теперь крепкие, а ноги — хоть отрежь...

Трудностей сначала в колхозном деле много было, байки такие, будто сами хозяйствовать не сумеем, так и сыпались. А вышло, что сами-то наилучшими хозяевами стали, и про это пусть вам директор Мянник расскажет, тут надо про тонны, да про гектары, да про кормовые единицы, а этого я не знаю — надо в бумаги для верности смотреть. Я только вижу: все люди богато жить стали, да скот хороший, да фермы такие понастроили, что и вообразить невозможно. И еще на Лейду свою гляжу — с ней прямо чудо произошло.

Поженились они рано, Лейда совсем девочонкой была, стройненькая да маленькая, ну, думаю, это не работница. Да еще и стеснительная до невозможности. А она научилась да сразу в доярки пошла и не хуже других, а лучше работать стала. Я потом себя корила: что ж это я, крестьянка, не поняла сразу, что худенькие да скромные — они ведь жилистые, крепкие.

Лейда сначала с напарницей на ферме работала. А потом раз приходит домой и говорит: напарница моя, мол, в декретный отпуск уходит, может, мне не стоит другую просить, может, я одна со всей фермой, со всеми ста коровами справлюсь? Ай, батюшки-светы, думаю, где это видано такое? Однако про доильную машину вспомнила, говорю ей:

— А что же, машиной ведь доите, или она у тебя, может, портится часто?

Лейда говорит:

— Что ты, машина работает лучше некуда, да и я сама чувствую, что одна справлюсь. Только опасаюсь: вдруг что не выйдет — засмеют меня.

Ну, это мне не понравилось, я ей и скажи: это, мол, не прошлое время, когда человека могли ни за что ни про что засмеять. Не спрашивайся, говорю, пойдешь к начальству и напарнице попросишь, всего и делов-то. Как-нибудь, а два выходных у тебя в неделю да отпуск, есть когда отдохнуть. Я тоже помогу, сколько смогу. Пробуй. Я бы не побоялась при таких возможностях, говорю. Вы только не подумайте, что я из невестки соки выжила, отношения у нас неплохие, я только робость не одобряю да, как все старухи, поворачать люблю. Она-то это понимает, не обижается. Но ее кое-когда подтолкнуть, приобод-

Лейда Пейпс.

Фото В. Сальмре

рить надо, а так она, без хвастовства скажу, большой молодец.

Подумать надо: целых десять лет назад этот разговор случился; и взяла она на себя всю сотню коров. А работа в нынешних больших хозяйствах у доярок, сами знаете, что ни на есть трудная, хоть против прежнего и во сто раз легче. Да только люди думают не о чьей-то прежней работе, а о своей, теперешней.

Зайду к Лейде на ферму и думаю: вот где она, красота-то дел человеческих. Воздух чистый, навоз на тракторе сразу вывозят, и корыма на тракторе же привозят. Свету полно. Коров каждый день дежурная по ферме чистит и моет. А молоко только и увидишь, как в прозрачных трубках быстро бежит, пенится — ни одна соринка не попадет. Про наших эстонских коров тоже, поди, знаете — хорошая порода. Видели, какого они у нас красного цвета? Это масть такая особая, чистопородная, ребятишки наши все рисуют на зеленой траве ну совершенно красных коров. Я им говорю: надо бы покоричневее, а они твердят: так красивее и правильнее, и то верно — на солнце животные так и лоснятся, так и блестят красным цветом.

И случись, прошлым летом приходит Лейда второго июня домой и говорит:

— Я пятилетку выполнила!

Как же так, спрашиваю, может, что напутала: пятилетка-то в семьдесят пятом закончится. Лейда говорит: конечно, в семьдесят пятом, только я ее сегодня кончила...

Вы в газете ее письмо Леониду Ильичу Брежневу читали? За эту свою быструю пятилетку Лейда, выходит, 15 тысяч центнеров молока надоила. Это мне трудно представить. А вот то, что в прошлом году она от каждой своей коровы по 5 200 литров надоила, — это я понимаю. Много ей пришлось потрудиться. И еще понимаю, что в одиночку она с этим ни в жизнь не справилась бы. Нынче никто в одиночку не работает. Ей совхоз помогает. Да что совхоз! Как и любому другому деревенскому рабочему, теперь все государство помогает. А вот что руководитель всей партии нашел время и ответ на ее письмо приспал, это нашему роду высокая честь. Хорошо, когда человека за большой труд благодарят и поздравляют.

Лейда большое дело затеяла: всех доярок расшевелила — и у себя в совхозе, и в нашей Эстонии, и в других республиках. Я по телевизору слежу, как горячо обсуждаются ее обязательства, ее пример. Вот я и говорю: это — дело государственное, тут моего понимания мало, идите к Харальду Мяннику, он у нас и директор и учений человек, кандидат сельскохозяйственных наук. Если я чего не так сказала, он добавит...

Беседу с Анной Пейпс записала корреспондент «Огонька» Н. ХРАБРОВА.

ПРАЗДНИК КРАСОТЫ

Валентин СИДОРОВ

В 1942 году в комнате, из окон которой открывалась панорама гималайских горных хребтов, погруженных в синее мерцание, Николай Константинович Рерих записывает в дневник:

«Нынче исполнилось четверть века наших странствий. Каждый из нас четырех в своем облаке накопил немало знаний и опыта. Но для кого же мы все трудились? Неужели для чукхов? Конечно, для своего, для русского народа мы перевидали и радости, и трудности, и опасности. Многое где нам удалось внести истинное понимание русских исканий и достижений. Ни на миг мы не отклонялись от русских путей».

Далее следуют строки о сыновьях: «И Юрий и Святослав умеют сказать о ценностях народных. Умеют доброжелательно направить молодое мышление к светлым путям будущего. Юрий — в науке, Святослав — в искусстве прочно укрепились».

Семья Рерихов — явление воистину уникальное. Ее влияние на культурную жизнь планеты огромно. «Вся семья была очень талантлива», — говорит Индира Ганди, делясь впечатлениями от встреч с Рерихами. Это было родство не только по крови, но и по духу. Бесстрашно делила тяготы и опасности жизненного пути художника его жена — Елена Ивановна. Всегда и во всем — вместе. Бок о бок с мужем прошла она по маршрутам Трансгималайской экспедиции, длившейся пять с половиной лет (1923—1928 гг.). «На коне вместе с нами,— пишет Рерих, — Елена Ивановна проехала всю Азию, замерзла и голодала в Тибете, но всегда первая подавала пример бодрости всему каравану. И чем больше была опасность, тем бодрее, готовнее и радостнее была она». Другие, спутницей, вдохновительницей называли ее Рерих. Ее участие в творческой работе художника так велико, что он наставляет: на его полотнах должны стоять два имени — женское и мужское. А ведь Елена Ивановна была не только супружницей, но и творцом. Ее перу принадлежат многочисленные литературные труды, воскрешающие дух и поэзию восточной мудрости. Лишь немногие из них известны читателю. Радость открытия главных ее произведений еще впереди.

Великолепным знатоком языка, истории и культуры восточных народов был старший сын Рерихов — Юрий. В Трансгималайской экспедиции без его знания азиатских языков и их диалектов был бы просто невозможен контакт с местными племенами. Когда экспедиция закончилась и на базе ее материалов возник Гималайский институт научных исследований, его бессменным директором становится Юрий Николаевич. Последние годы (1957—1960) он живет в Москве. Его вклад в советское востоковедение значителен и весом.

Живописный талант Рериха-младшего развивался в условиях, исключительно благоприятных для творчества. Святослав Николаевич вспоминает: «Мы все были очень тесно связаны и всегда работали вместе. Мы старались помогать друг другу, дополнять друг друга. И я должен сказать, что в Николае Константиновиче, моей матушке и в Юрии Николаевиче я имел самых близких помощников, друзей, к которым я сразу мог обращаться со всевозможными проблемами, исканиями в своей работе».

Об отце Святослав Николаевич говорит: «В старинных книгах написано: счастлив тот, кто может встретить на пути своего мудрого старца. Я его встретил. Это был мой отец. Он был главным моим учителем. Он был не только учителем живописи, но также и моим наставником в жизни, и всю свою жизнь я провел с ним, и с ним я работал не только на поприще искусства, но и вообще во многих культурных начинаниях». Уже в ранней юности Святослав Николаевич сотрудничает с отцом. Ему нет еще пятнадцати лет, а он помогает отцу рисовать эскизы декораций и костюмов для постановки русских опер в лондонских театрах. В девятнадцать лет в Америке он возглавляет «Международный центр искусств» («Венец мира»), основанный Николаем Рерихом. Именно эта организация в трудные для Советской России двадцатые годы пропагандирует русское искусство. В институте «Урусвати» («Свет утренней звезды» — такое поэтическое наименование получил Гималайский институт) Святослав Рерих назначается вице-президентом. Конечно, Святослав Рерих известен прежде всего как художник, но деятельность его гораздо шире и многогранней. Святослав Рерих — ученик интересуется проблемами ботаники. Он собирает богатейшую коллекцию лекарственных трав. Он изучает тибетскую фармакологию. Его исследования печатаются во французской научной прессе. В 1934 году Святослав Рерих организует экспедицию в район Тибета (в ней участвуют индийские ботаники) для сбора семян засухоустойчивых трав. Примерно в то же время он устанавливает тесный контакт с советскими учеными. Святослав Николаевич ведет переписку с директором Всесоюзного института

растениеводства Николаем Ивановичем Вавиловым. По просьбе Вавилова он собирает злаки, посыпает ему образцы семян...

Талант живописца в Святославе Рерихе раскрылся рано. Еще учась (Святослав Рерих по образованию архитектор: он учился на архитектурном отделении сначала в Колумбийском, потом в Гарвардском университете), он экспонирует в 1922 году на выставке в Нью-Йорке свою графику. А спустя четыре года творчество Святослава Рериха получает мировое признание. На Международной выставке в Филадельфии ему присуждают первый приз за полотна на восточные темы. Святослав Рерих работает под наблюдением отца, рядом с отцом. Их совместные выставки, организованные в тридцатые и сороковые годы в Индии, собирают толпы посетителей. После смерти отца художник поселяется в Бангалоре, индуистском и быстро развивающемся городе Южной Индии. По свидетельству местной прессы, он становится другом, наставником и руководителем почти всех подающих надежды художников Бангалора и всего штата Майсур. Вклад Святослава Рериха в индийскую культуру, его общественная деятельность на пользу мира и содружества получают посвященное признание в Индии. В 1961 году (вскоре после того, как Святослав Рерих вернулся из Советского Союза, где в Москве и Ленинграде с успехом прошли его выставки) индийское правительство награждает его высоким гражданским орденом «Падма Бхушан».

Святослав Николаевич Рерих — духовный наследник своего великого отца. Он продолжает его традиции, но не повторяет его. Разница между двумя художниками давно отметили индийские искусствоведы. «Его ритмы гораздо более усложнены и напряжены», — пишет о Святославе Рерихе д-р Гетц. А сам Святослав Николаевич говорит следующее:

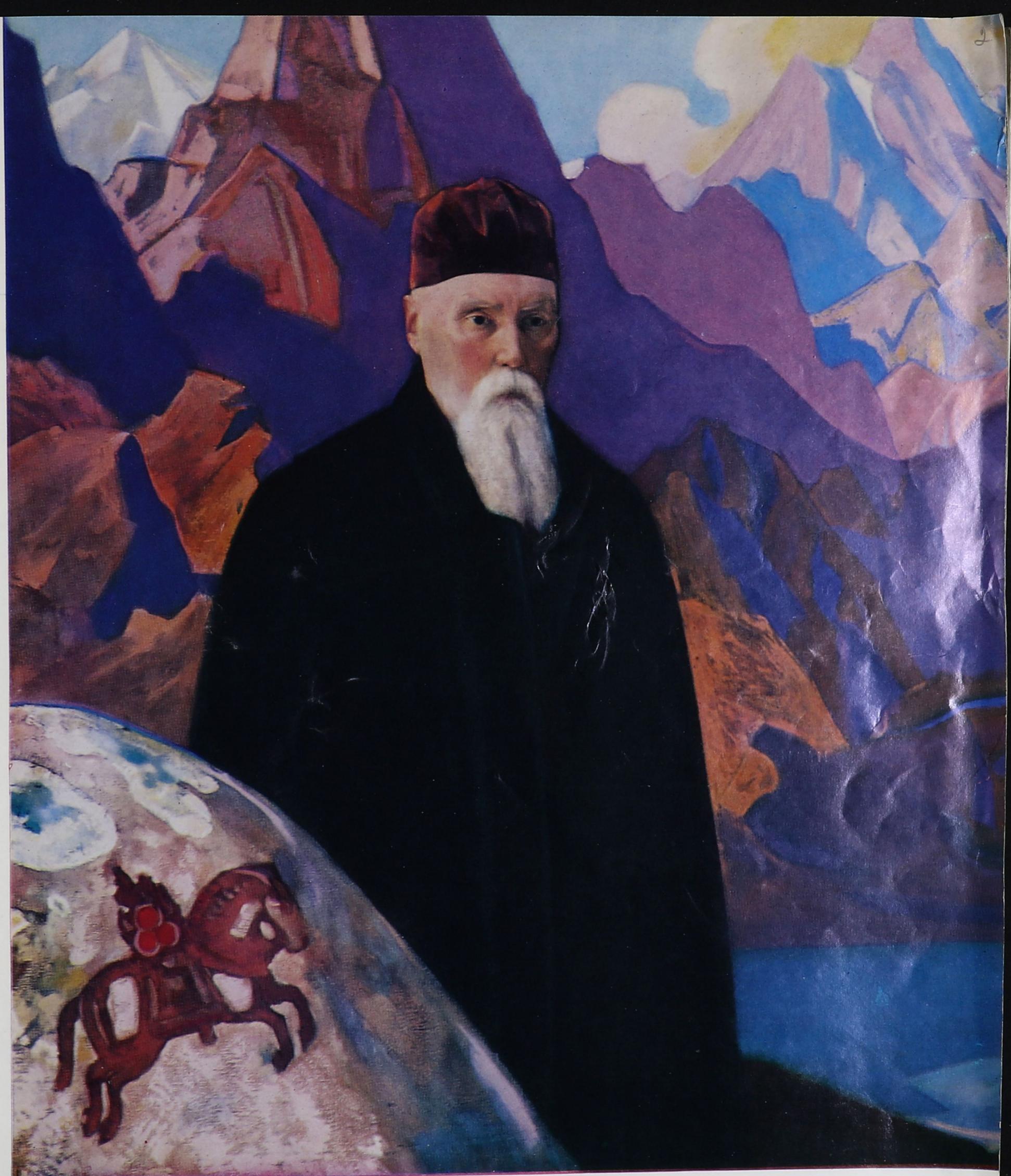
«Моя личная творческая деятельность была связана с творчеством и работой Николая Константиновича, но в моем подходе к искусству было некоторое отличие. Николай Константинович не занимался специально портретом, тогда как я именно начал как портретист. В творчестве Николая Константиновича человек уходил в глубину композиции, в моем искусстве я выдвинул человека на первый план».

Мастерство Святослава Рериха-портретиста общепризнано. Он является создателем целой галереи человеческих лиц и характеров. В этой галерее — философы, политические деятели, художники, танцовщицы, обычные мужчины и женщины. Портреты Святослава Рериха — убедительное свидетельство его выдающихся технических возможностей. Художественный критик издания «Таймс оф Индия» Прашер пишет: «Его способность вызывать осознательные ощущения при передаче ткани, тела и аксессуаров — настоящее чудо. Это свойство наилучшим образом проявляется... в портретах Девики Рани Рерих».

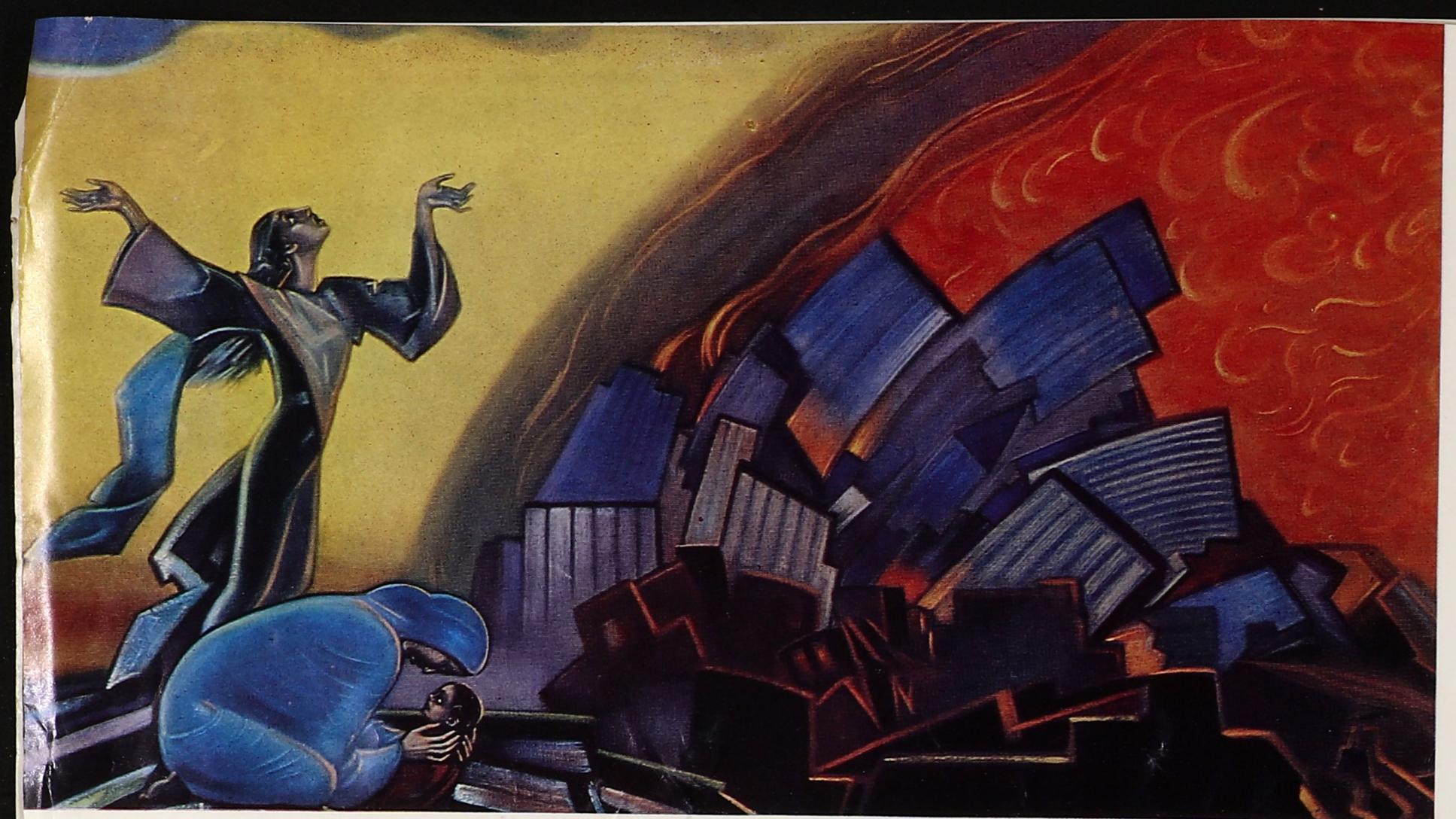
Художник верен оригиналу. Изображая модель, он старается быть документально точным. Но, разумеется, этим не исчерпывается достоинство его портретной живописи. Портреты Святослава Рериха не просто изображения; он передает характер моделей, он умеет уловить дух человеческого лица.

Девика Рани Рерих — одна из выдающихся женщин новой Индии. Выросшая в светлой атмосфере замечательной семьи (ее дедом был Рабиндранат Тагор), она в детстве уже обнаружила непреодолимую тягу к искусству. Молодая девушка становится звездой индийского кино. Отныне история национального кинематографа неразрывно связана с ее поисками, с ее работой: талант актрисы в Девике Рани органически сочетается с талантом постановщика. И вот перед нами ее портрет. Красота женского лица останавливает нас, поражает нас. Но только лишь внешняя красота? Конечно, нет, ибо здесь запечатлено и другое: красота внутреннего устремления — углубленность, одухотворенность, высокая мечтательность. И вот что замечательно. Яркая, праздничная, эффектная расцветка тканей, с одной стороны, и тихая мечтательность, даже некоторая отрешенность — с другой, не контрастируют друг с другом, а сливаются гармоничное целое. Это, конечно, пример тонкого психологического видения художника.

Святослав Рерих часто пишет Джавахарлала Неру. Являясь другом Неру, он имеет счастливую возможность делать этюды с натуры. Президенту Индийско-советского культурного общества Менону принадлежат следующие слова: «Никто так не известен и не любим в Индии, как Джавахарлал Неру. Я знал его по его сочинениям в течение сорока лет, и я работал с ним в тесном контакте со временем независимости. Мне кажется очень трудным описать этого человека, такого сложного, но по существу простого. Это человек действия, но также и человек великих мечтаний. В портрете Джавахарлала Неру Рерих выразил всю

С. Рерих. ПРОФЕССОР НИКОЛАЙ РЕРИХ. 1939.

С. Рерих. ТЫ НЕ ДОЛЖЕН ВИДЕТЬ ЭТОГО ПЛАМЕНИ. 1968.

И МЫ ПРИБЛИЖАЕМСЯ. 1967.

С. Рерих. ДЕВИКА РАНИ РЕРИХ. 1951.

С. Рерих. МОЯ СТРАНА ПРЕКРАСНА. 1974.

ГИМАЛАИ. 1974.

поедет, если и не даст денег, если даже придется для этого идти на панель.

Слова, сказанные сгоряча и в озлоблении, были слишком далеки от мыслей и тем более поступков Тани. Но Баранов не выдержал. Натомашь ударил ее по лицу, еще раз, еще, пока она, как звереныш, не бросилась на него, царапаясь и кусаясь. Он оторвал от себя dochь и хрюкнул об пол.

В больницу отвез ее сам, объяснив, что избили девушку хулиганы. Она была в сознании, слышала его слова.

Спустя месяц, в день выписки из больницы, он приехал за ней в назначеннное время. Дежурная сестра сказала, что девушка давно ушла, дожидается его на скамейке в парке.

Таня не дожидалась отца. И домой не вернулась. Уехала во Франкфурт-на-Майне, где они раньше жили, в кредит сняла комнату близ Таунусштрассе, взяла напрокат у хозяйки, тоже в кредит, приличное платье, почти совсем новое, и зарегистрировалась, где положено, как научила опытная хозяйка.

Нельзя сказать, что Таня не понимала, на какой шаг идет. Тем не менее не ощущала его реальности. Должно же что-то произойти. Придут какие-то люди — она ведь зарегистрировалась в полиции нравов, — значит, отец узнает об этом немедленно, все всполошатся, и найдется выход из положения. Скорее всего неосознанно, где-то подспудно, но именно такую форму мести отцу она избрала.

Комната Таня сняла вместе с трехразовым питанием. Завтракала поздно и уходила на дальние окраины, прячась от людей. Обедать возвращалась часов в шесть. Хозяйка по-своему воспринимала заплаканное лицо девушки — не может найти клиентов. Покормив ее, снова отправляла на улицу. Ни на кого не глядя, Таня уходила подальше от этого проклятого района Таунусштрассе, бродила до глубокой ночи и, обессилен, возвращалась домой.

Начались упреки хозяйки. Она не в состоянии без конца содержать глупую девчонку. Впрочем, готова помочь ей. Уже подобрала подходящего сутенера, чтобы никто не обидел. Ведь хочешь не хочешь, должна девушка ее профессии иметь покровителя, ибо иначе дружная каста сутенеров все равно не даст жить, пока кто-нибудь из них не добьется своего. Он и поможет твердо встать на ноги.

После выхода из больницы, уже сняв комнату, уже пройдя постыдную регистрацию, а еще до этого специальное и не менее постыдное медицинское освидетельствование, без которого не зарегистрируют, она все еще надеялась на приход отца. Больше двадцати дней пряталась от всех. Той страшной сцене с отцом, его поступку искала оправдание: дикая, нервная вспышка, повод для которой дала сама, наконец, просто состояние аффекта. Но сейчас? Он же все знает, ведь полиции нравов известно, что он совсем не рядовой человек на радиостанции «Свобода», и сообщила туда. Она начинала реально осознавать, на какой путь становится, но все еще не могла соотнести это к себе, не представляя себя в новой роли. Как в свое время, не задумываясь, повторила отцу его фразу о панели, не придавая ей никакого значения, так, уже приблизившись к самой грани панели, все еще не могла полностью воспринять случившееся.

Таня ждала, что кончится наконец это наваждение, этот кошмар. Отец не появлялся, не давал о себе знать, а опытные руки подталкивали ее, направляли, сначала осторожно, ласково, а опять долгами, мертвый хваткой сдавили горло. Только тогда она ощутила весь ужас своего положения. По пятам ходит сутенер, и прятаться на окраинах уже не было возможности. Всем сердцем прокляв отца, она пошла по единственному оставшейся ей дорожке.

Таня прилично зарабатывала. Вполне хватало на оплату комнаты и питания, на ежемесячный налог полиции нравов и участковому полицейскому, на погашение кредита за уже солидный гардероб модной одежды и обуви, за медицинское наблюдение и контроль и содержание сутенера, который и в самом деле в обиду ее не давал, хотя сам подсчитывал, сколько необходимо на обязательные платежи, а остальное, все до пфеннига, отбирал.

Однажды в переулке лицом к лицу она встретилась с отцом.

Продолжение следует.

1945
1975

ШЛИ ТАНКИ ПО МИННЫМ ПОЛЯМ

ПОЧТА • ПОЧТА
«ГОГОНКА»
ПОЧТА • ПОЧТА

1

2

3

4

Я служил в 166-м Киевском Краснознаменном ордена Суворова отдельном инженерном танковом полку в должности начальника штаба. Вместе этой замечательной частью прошел от Сталинграда до Берлина. Это был первый в Советской Армии полк танков-траншеек. Он предназначался для форсирования с ходу минных полей и при прорыве французской обороны всегда находился на острие удара.

В бою под Сталинградом, в дни окружения армии Паулюса, полк пробивал дорогу наступающим танкам, разрывая первыми преодолевали минное поле уражнейшей высоты 11,6 и прорвались к станции Червленная. Это стало первым боевым крещением полка, ведомого прославленным танкистом Н. М. Лунином (фото № 1).

Особенно памятен бой на подступах к Киеву... Полк действовал в составе 3-й гвардейской армии генерала Рыбалко. Наверное, сейчас селят недобитые гитлеровцы нашу землю, а ночь на 5 ноября танковые корпуса шли вперед с зажигательными фарами, с включенными на всю мощь сиренами, ведь сильнейший огонь из пушек и пулеметов. Развернувшись в линию, наш полк шел впереди танковой армии прямо на подготовленную врагом минную полосу. Мощные взрывы сотрясли боевые машины. Фонтаны земли обрушивались на броню, забивали смотровые щели, — так густо было расставлены противотанковые мины. Но, и указу гитлеровцев, танки продолжали продвигаться вперед. Ошеломленный враг не выдержал натиска... Танкисты ворвались в Святошин и перерезали дорогу Киев — Житомир.

Что же за чудо-танки шли через минное поле? Обычные «тридцатьчетверки»! Но впереди их двигался прицеп — остроумно устроенный противотанковый трап (фото № 2). Десять круглящихся дисков из вязкой стали вонзали в землю металлические пальцы и подрывали мины. Танк шел, весь окутанный дымом, но мины, взрываясь вперед машины, не причиняли вреда.

Создал это противоминное оружие заместитель командира полка П. М. Музалев (фото № 3). Сотням танкистов Великой Отечественной войны это изобретение спасло жизнь... А сколько машин было сохранено для боя! Родина по заслугам оценила вклад Музалева в боевую оснащенность советских танков. Ему присуждено звание Героя Советского Союза и присуждена Государственная премия.

Летом 1944 года полк участвовал в прорыве немецкой обороны под Бобруйском на западнее Ковеля, освобождал польские города Люблин, вел тяжелые бои северо-восточнее Варшавы. У польского села Яблоново, под смертью героя один из лучших офицеров полка, командир танкового взвода старший лейтенант Д. С. Нагуманов (фото № 4). В окрестном встречном бою он меткими выстрелами поджег три «пантеры». Но вот вражеский снаряд пробил бензобак. Вспыхнула пламя. Командир приказал экипажу снять пулемет и покинуть машину. В этот момент показалась четвертая вражеская самоходка. И Нагуманов вновь сел за рычаги и, набирая скорость, повел свою «тридцатьчетверку» на таран...

Раздался взрыв, и обе машины окунались в дым... Так выполнили свой долг перед Родиной советские танкисты. Теперь в городе Стрымтамане есть улица имени Героя Советского Союза Нагуманова.

Близилась весна 1945 года. Позади остались фронтовые дороги Польши, бои на Одесской переправе... Наступая в полосе 8-й гвардейской армии генерала Чуйкова, полк таранил вражескую оборону на Зеловских высотах. Здесь, каждый метр земли был начинен минами, з огнем фашистской артиллерии был тесный плотен, что танкисты говорили: «Снаряды летят впритык!... Кому довелось быть там на огненных склонах Зеловских высот, тот помнит, как трудно давался каждый шаг. Но мы прорвались к Берлину! Там был завершен боевой путь моего родного полка.

Пройденные дороги войны, горечь потери и радость победы забыть невозможно. С волнением буду ждать писем от друзей-однополчан.

Мой адрес: Киев, бульвар Ленина, 27-б, кв. 60. Королев В. С.

ЗАРЕВО НАД ДОНБАССОМ

Алексей ИОНОВ

РОМАН

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

XXII

Утро застало Русакова в степи. Слева от него из-за косогора выглянуло солнце. Лужицы на черноземной дороге окрасились в вишневый цвет. Беглец с ощущением озноба вспомнил тот рассвет, когда его везли на тряском грузовике на Калиновку для расправы.

Несколько часов назад, выйдя из кладбищенской сторожки и скользя по вязкому чернозему, а потом на пути к станции Чумаково, спотыкаясь на дне балки о камни, падая и причиняя ногам и забинтованной руке нестерпимую боль, Андрей сожалел, что не попросил плотника принуть его хотя бы на чердачке, пока у него мало-мальски затянутся раны. Потом, спустя часа два, приближаясь к шахтерскому поселку, он сиротски косился на приземистые домишко и думал тоскливо, что неплохо бы отлежаться здесь, у шахтеров, тем более что этот артельный народ ни за что не выдаст его оккупантам. Но на железнодорожных путях у шахты он встретил путеоходчика и после разговора с ним отказался от своего намерения.

По шпалам брел человек с фонарем, в рабочем затасканном бушлате и как будто ради баловства постукивал по рельсам молотком на длинной рукоятки. Устало привалившись плечом к телефонному столбу с тревожно гудящими проводами, Русаков окликнул путейца и спросил у него дорогу в Грузско-Зоринское. Тот вздрогнул и, неуклюже крутнувшись, кинулся было наутек, но, преодолев страх, остановился и подождал, пока испугавший его человек приблизится. Подойдя, Андрей повторил свой вопрос.

— Иди отсюда, иди,— хмуро сказал путеоц, с угрозой выставив перед собой молоток.— Тут сейчас дрезина пойдет с патрулем, сцепают тебя, голубчика, с ходу. И мне достанется на орехи.

— Уйду, уйду,— незлобиво заверил Русаков, из благоразумия держась на почтительном расстоянии.— Ты только скажи, как попасть в Грузско-Зоринское.

— Туда, туда...— оторопело бубнил обходчик, показывая молотком на темную степь.— У нас учера всю молодежь похватали. Должно, погонят в Германию,— припугнул он.

И лишь когда беглец, потеряв надежду получить ясный ответ, перебрался на другую сторону кювета, обходчик, склонившись или осмелев, крикнул вдогонку:

— Держись левее, по-над столбами. Час ходу.

..И вот теперь, понуро шагая в предутренних сумерках наизволок, по черноземной слякоти, Андрей думал с нетерпеливым ожиданием, что, выйдя на пригорок, он увидит желанное Грузско-Зоринское или какой-либо другой укромный хутор, где ему, возможно, удастся переждать до вечера, отоспаться, подкрепить силы, выведать, каким путем безопаснее добраться до Иловайска.

Окончание. См. «Огонек» №№ 1—8.

Идти по размокшей земле было невмочь. Чтобы не поскользнуться и не упасть, все время приходилось напрягать мышцы ног. В дырявых сапогах противно хлюпала вода. Хотелось свернуть с дороги, повалиться в пахучую, росистую траву и уснуть, уснуть...

Он распахнул ватник. Свежий ветер прохвачил, подбодрил его.

За увалом гортанно, с тягучим распевом залился петух. Русаков ожидал, что горластому вестнику зари дружно, многоголосо откликнутся и другие дворовые забияки, но задорный вызов остался без ответа.

«Скоро, наверно, и тебя приберут эти куроеды»,— с грустью подумал Андрей, хотя поэзия хуторской жизни с ее петушинным благовестом по утрам, опрятными украинскими хатами, поникшими ивами у реки, отолосками девичьей песни за окольцем никогда не брездила его грудь той сладкой болью, какую пробуждает все это в душе потомственного пахаря.

Село открылось перед Русаковым сейчас же, как только он вышел на гребень увала. Под крутым каменистым обрывом вилась речушка с опрокинувшимися в ее тусклой глади ветлами и очеретом. За ее излучиной лежали делянки непаханных огородов с тощими всходами каких-то злаков и буйно поросшие по межам беленой и чертополохом. Ни во дворах, ни на улице, отчетливо видимой с обрыва, не было еще ни души и не дымилась ни одна труба.

«Посижу, подожду,— рассудительно решил Андрей.— Придет же кто-нибудь к реке!»

Не жалея сапог, он скатился по щебнистым промоинам к берегу, распугал зашлепавших в воду лягушек, продрался в камыши. Сухие стебли звонко постремливали под его сапогами. В предвкушении отдыха он, не торопясь, наломал охапку очерета, выстелил облюбованное место, снял стеганку, сел на нее, разулся и, блаженно раскинув затекшие ноги, притаился подобно охотнику в засидке.

Запустелый противоположный берег дышал нерушимым покоем. Видно, сюда давно не приходили ни лошади, ни коровы, не приезжал с водовозкой домовитый хозяин. Полузаросшая тропинка среди чертополоха напоминала о том, что по ней когда-то степенно, с утиной покачкой проходили с коромыслами на плече хуторские молодайки, с гиком проносились оравы вихрастых мальчишек.

Едва из-за крутояра поднялось солнце, туман над рекой рассеялся, истаял, но хуторские левады по-прежнему были пустынны и безгласны. Лишь время от времени с ветлы на ветлу шумно пересыпались стаи воробьев да разнеженно, томно, с нахальным сладострастием покръхтывали в камышах лягушки.

Упиваясь покоем, уверившись, что до вечера его тут никто не потревожит, Русаков почувствовал вскоре зверский голод и тревожно потрогал карманы со скучным припасом съестного. Если незнакомые дороги и стежки

не увели его в сторону от намеченной цели, до линии фронта ему остается добрых пятьдесят—шестьдесят километров, две ночи усилий и тревог. Надеяться на пополнение припаса невозможно, и Андрей рассудил, что придется разделить его на две равные доли и довольствоваться тремя печеными яйцами в сутки. Он осторожно вытряхнул из карманов все шесть яиц, взял одно из них, разбитое, очистил от скорлупы и съел наспех.

Скудный завтрак ничуть не насытил Андрея.

Когда-то берестовские сорванцы, забредая в поисках романтических приключений к истокам Кальмиуса, ломали у его прибрежий стебли рогоза и лакомились сладковатой, похрустывающей на зубах сердцевиной. Увидев теперь в двух шагах от себя, на иловых наносах, оливковые стрелы этого влаголюба, Русаков сломал несколько стеблей и принялся торопливо выдирать из них съедобную сердцевину.

Он долго лежал в своем укрытии, покусывая стебельки рогоза и неустанно высматривая, не появится ли у реки кто-то из старожилов. Роптала, булькала, торопясь к морю, речушка, покачивалась с атласным шелестом камыш. Майское солнце пригревало ласково, нежгуче. Андрей сомкнул глаза, вслушался в дремотные плески и шумы и... поплыл в неведомую страну забвения.

...Он проснулся в тревоге. Ему почудилось, будто вокруг сгрудилась толпа и кто-то властно приказывает ему встать на ноги сию же минуту. Но — какое счастье! — он по-прежнему лежал в камышах, никем не замеченный и никому не нужный. В нескольких шагах от него, на противоположном берегу, стоя на коленях бородатый мужик и озабоченно выбирал из вершины рыбу. Он так увлекся своим делом, что не заметил Русакова, не услышал шорохов камыша у себя за плечами.

— Папаша! — негромко окликнул Андрей.

Мужик дрогнул, осел, испуганно озирался.

— А-а... что ты? — бормотнул он, разглядев незнакомца.

— Папаша, — заговорил Русаков искательно, мягко, — какое это село?

— Село? — переспросил мужик, еще не сладив со своим испугом.— Зоринское... Грузско-Зоринское... Он пристально, цепко гляделся в незнакомца.— Это и все? — спросил он, явно торопясь избавиться от нежелательной встречи. Не спуская глаз с камыша, он поддел пятерней шапку и повернулся к тропинке.

— Папаша, — снова окликнул Андрей, — не скажешь, как удобнее добраться до Иловайска?

Мужик, кажется, понял, что неведомо откуда появившийся дезертир или бродяга не замышляет ничего дурного. Только всего и нужно, что дорога до Иловайска? Что ж, это можно... Окончательно поборов оторопь, мужик пошарил глазами в камышах, сказал спокойно:

— Подымись, дай я на тебя гляну.
Русаков поднялся.